ЯКОБ ШТЕЛИН

ПОДЛИННЫЕ АНЕКДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО СЛЫШАННЫЕ ОТ ЗНАТНЫХ ОСОБ В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Якоб Штелин

Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге

«Остеон-Групп»

Штелин Я.

Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / Я. Штелин — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-5-85689-150-7

Прекрасно написанное историческое повествование о жизни и личности первого российского императора Петра Великого, служившее пособием по истории в течение более века (вплоть до Октябрьского переворота 1917 г.).

ISBN 978-5-85689-150-7

© Штелин Я.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Коротко об авторе 6
Предисловие автора 7
Свидетельство российского императорского первого министра о сих анекдотах 9
Часть первая 10
1. Особенные обстоятельства второго бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной 10
2. Петр Великий при смертной своей болезни не хочет простить смертоубийц 13
3. Петра Великого своеручная ковка нескольких полос железа 14
4. Петр Великий оказывает отменное почтение к искусным лекарям и подает повод к посрамлению высокомерных шарлатанов 15
5. Петра Великого отвага в очевидной опасности при наговоре Сикеля и Соковнина и их шайки стрельцов 16
6. Петр Великий награждает верность и в самом бунтовщике 18
7. Петра Великого острое изречение английскому королю Виллиаму 20
8. Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов, чтобы он позволил им жить в России 21
9. Мысли Петра Великого о Венском Дворе 22
10. Мысли Петра Великого об иезуитах 23
11. Гнев Петра Великого за напрасно пролитую кровь 24
12. Петр Великий слушает проповедь в главной Данцигской церкви 25
13. Замысловатый ответ Петра Великого, касающийся экономии 26
14. Равнодушие Петра Великого при бесстыдстве голландского трактирщика 27
15. Упражнения Петра Великого в Париже 28
16. Старание Петра Великого узнавать все полезное. 30
17. Удивительная любовь Петра Великого к своему государству и отечеству 31
18. Любовь Петра Великого к хорошим картинам 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Якоб фон Штелин
Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге

Воспроизведение *подлинного московского издания книги: «Подлинные анекдоты о Петре Великом.», Москва, 1830 г.* в современной русской орфографии, с сохранением особенностей написания имен собственных. Пунктуация приближена к современной.

© Л. И. Моргун, адаптация текста, редактирование, примечания, 2016.

* * *

Коротко об авторе

Якоб Штелин (Stahlin) один из выдающихся деятелей Санкт-Петербургской Академии Наук в первом периоде ее существования, много способствовавший усовершенствованию гравирования в России, родился в 1712 г. в Мейнгене. В 1735 г. он был выписан по контракту в Академию «для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков, иллюминаций и медалей», в 1738 г. был сделан профессором «элоквенции и поэзии» и членом Академии, в 1741 г. принял в свое заведование основанный при Академии художественный департамент, в 1743 г. составил на немецком языке описание коронации императрицы Елизаветы Петровны, с приложением гравюр, исполненных под его надзором мастерами департамента. Когда в 1747 г. департамент был преобразован в Академию изящных искусств, состоящую при Академии Наук, управление этим учреждением было поручено Штелину, который приложил большие старания к развитию в нем рисования и гравирования, выписывал из-за границы учителей, подбирал для них способных учеников и особенно заботился об усвоении рисунка. Благодаря этим стараниям, гравирование в Академии сильно продвинулось вперед: были выгравированы план Петербурга на 9 листах, виды Петербурга, Царского Села и Ораниенбаума, портреты императрицы и великого князя Петра Федоровича и изображения всех иллюминаций и фейерверков, бывших при разных торжественных случаях. В 1767 г. Штелин издал свои «Известия о художествах России», в двух частях, сочинение, из которого, несмотря на имевшиеся в нем ошибки и неточности, иностранцы еще долго черпали данные о русском искусстве. Штелин умер в Санкт-Петербурге в 1785 г. После него осталось огромное количество рукописей и бумаг всякого рода, а также собрание русских гравюр XVIII столетия, по большей части в пробных и единственных оттисках. Это собрание почти целиком поступило от наследников Штелина в древнехранилище М. Погодина, а из него в Императорскую Публичную Библиотеку. Ему же принадлежат «Анекдоты о Петре Великом», напечатанные на немецком языке в Лейпциге в 1785 г. и переведенные на русский (2 издание 1801) и французский языки.

Якоб Штелин был свидетелем зарождения и развития русского просвещения. Произведения А. Д. Кантемира, В. К. Тредьяковского, А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова волновали умы современников, и у всех на устах было имя строителя новой России Петра Великого. Его реформы изменили в корне страну, поставив ее на эволюционный путь развития. В русской науке, международной торговле, ведении войны и заботах о мире, поощрении искусств и ремесел, изменении сословного и семейного уклада, на каждом шагу по пути к прогрессу чувствовалась могучая поступь Петра Великого.

Якоб Штелин проникся глубоким почтением к памяти первого российского императора и, исполняя должность наставника цесаревича Петра III, во время занятий с будущим главой государства всегда старался это подчеркнуть. После восхождения на престол Екатерины Великой, он, вопреки страшным ожиданиям, не был репрессирован, а назначен членом городского Совета, секретарем Петербургской Академии наук. Якоб Штелин оставался на российских государственных постах до самой своей смерти в 1785 году. Похоронен он в Санкт-Петербурге. В год его кончины сын ученого опубликовал «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным». Подобные анекдоты стали чрезвычайно популярны в Европе, книга Якоба Штелина выдержала множество изданий, была красочно проиллюстрирована лубочными картинками. Философы и историки от Вольтера до Карамзина прониклись интересом к подобного рода литературе, в России только с 1801 по 1830 год книга выдержала три издания. Таким образом мы видим, что образ «фольклорного» Петра и самый стиль исторического анекдота, записанный из уст его современников, привнес на русскую почву выходец из Германии Якоб Штелин

Предисловие автора

В сем кратком предуведомлении объявляю я о происхождении собрания следующих анекдотов и главном моем предмете при издании оных в свет, также и о том легком и едином средстве, способствующем ко умножению сего собрания еще многими подлинными и достопамятными анекдотами Петра Великого.

Что до первого пункта касается, каким образом произошло сие собрание, надлежит мне объявить, что я 1735 году из Дрездена был выписан в Санктпетербургскую Академию наук. Я имел с собою одобрительное письмо польского и курсаксонского первого министра графа Бриля к тогдашнему в Санктпетербурге пребывающему саксонскому чрезвычайному послу, графу фон Линару. Сей достойный министр с такою радостью принял письмо великого своего благодетеля, а меня столь дружелюбно, что удостоил меня своим столом и ежедневным обращением, познакомил меня также со многими как иностранными, так и знатными российскими вельможами. Между оными находилось еще много таковых, которые до сего не только в военной, гражданской и морской службе были при умершем тогда за десять лет Петре Великом, но имели короткое обращение с высокою его особою. Потом, когда я был употребляем к деланию иносказательных изображений для тогдашних, часто при дворе бываемых огненных потех и великих освещений, то возымел я короткое знакомство с тогдашним генерал фельдцейхмейстером, принцом Гессен-Гомбургским, и с почтенным его тестем фельдмаршалом князем Иваном Юрьевичем Трубецким, у которого часто при столе как им самим, так и прочими генералами были говорены анекдоты о Петре Великом. Как я некогда изъявил сему почтенному князю мое удивление и особенное удовольствие о сих известиях и сожалел, что свет их вместе с достойными мужами лишиться должен, не взирая, что они к славе Петра Великого написаны быть долженствовали, то сказал мне на сие верный сей служитель и почитатель сего монарха, если я желаю записывать такие сказания, то может он мне еще много рассказать о сем великом герое, что малым известно; только надлежит мне временно о том ему напоминать, а паче после обеда, когда он обыкновенно курит табак.

От сего князя слышал я иногда некоторые анекдоты о Петре Великом, которые весьма меня пленили и из числа коих я ни одного и ни в какой истории, писанной на других языках, о сем российском монархе не нашел.

Чтоб не загладить в слабой моей памяти сих, столь достопамятных и истинных анекдотов, внемлемых из уст столь знатных свидетелей, вознамерился я оные мало -помалу, имея в свежей еще памяти, вносить вкратце на бумагу. Я обыкновенно это исполнял в ночное время по возвращении домой или на следующее утро.

Сколько случаев имел я впоследствии слышать достопамятных анекдотов о сем монархе, имея двадцатилетнее обращение с бывшим государственным канцлером, графом Бестужевым, и со многими другими знатными домами в Петербурге и Москве, из уст прежних воинских и гражданских служителей Петра Великого, а паче, когда я был первые три года его императорского высочества, великого князя Петра Феодоровича, профессором, а по его сочетании, по именному указу, сделан библиотекарем.

Сколь мало ни оставалось мне времени при моей должности и столь многих придворных помехах, также и иных возлагаемых дел, на запись услышанных анекдотов, однако они со временем весьма сделались многочисленны; из числа коих я наконец находящиеся в сей книге переписал на бело.

Между тем большая часть, да почти и все из показанных под каждым анекдотом свидетелей мало по малу окончили дни свои и, без сомнения, бы взяли с собою во гроб сии известия о Петре Великом, если бы любопытство мое их не замечало, не исхитило из забвения и не сохранило потомству.

Я приступаю ко второму пункту, то есть: к показанию цели сего издания.

Я должен упомянуть, что в означенных тщательно под собранными мною анекдотами свидетелей, из уст коих я оные слышал, не все еще находятся и, может быть, здесь едва сотая часть тех означено, кои с Петром Великим имели короткое обращение. Я только тех здесь привожу, которых я знал в Петербурге и Москве и от коих сие слышал. Из числа таковых осталось еще едва несколько в жизни; но многое число их детей, внуков и приятелей еще в иных местах государства находится, которые от своих, таковыми же бывших очевидцами, отцов, дедов, родственников и приятелей слышали некоторые достопамятные анекдоты о сем великом императоре.

В рассуждении сего обстоятельства, ласкался я надеждою еще многие достопамятные анекдоты о Петре Великом спасти от забвения, или я, по частым увещаниям знатных и истинных сынов России и почитателей бессмертных достоинств сего великого монарха, обнародую наконец тиснением сие мое малое собрание и доставлю в руки тем, которые имеют еще в памяти слышанные от отцов своих, родственников и приятелей некоторые анекдоты.

К начертанию оных и спасению от совершенного забвения хочу я их сим моим изданием побудить.

Чрез сие, как я надеюсь и сколько могу положиться на благородный вкус изощренного в наши времена российского дворянства, может быть, выйдет не меньшее число достопамятных анекдотов Петра Великого, к собранию и изданию коих скоро многие из российских любителей и почитателей наук найдутся. То чаятельно, сыщется и обильное продолжение таковых анекдотов, или вторая, а может быть, третья книга оных, к славе сего знаменита го государя, к чести народа и к удовлетворению всеобщего желания обстоятельнейших известий о Петре Великом.

И так паче всего к сему издаю я собранные мои анекдоты. Ежели ж мне удастся достичь желаемого предмета, то за сей труд припишется честь и благодарность потомкам, моим последователям. Я уже тем буду доволен, что их к тому побудил и дал повод к собранию столь драгоценных анекдотов и спасению их от скоропостижного их забвения.

Яков фон Штелин

Свидетельство российского императорского первого министра о сих анекдотах

Его сиятельство, достойный министр её императорского величества, великой монархини Екатерины II, граф Никита Иванович Панин, услышав о сем собрании анекдотов, пожелал их видеть. За 5 или за 6 недель до своей кончины, Его Сиятельство просил меня, чтобы я сообщил ему сии анекдоты на несколько дней для прочтения.

Зная, что его сиятельство любил читать немецкие книги более, нежели французские, и по вечерам обыкновенно часа два, иногда же и более, занимался чтением, и для того имел отборную библиотеку, состоявшую из лучших немецких писателей, и которая всякий год умножаема была новейшими немецкими сочинениями, – я вручил ему немецкий оригинальной экземпляр. Потом видал я оный у него на столике, с закладками в тех местах, до которых было прочитано. Несколько раз, когда я ввечеру приезжал к его сиятельству, сказывал он мне, что сии Анекдоты приносят ему великое удовольствие, так что он не может довольно их начитаться и некоторые из них читал уже по два и по три раза. Через четыре уже недели, дней за 8 или за 10 до нечаянной своей кончины, его сиятельство возвратил мне мою книгу с учтивою благодарностью и сказал при этом: «Могу вас уверить, что я не читывал еще никакой книги с большим удовольствием, как эту, особенно потому, что я нашел в ней несколько анекдотов, которые еще в молодых моих летах, слыхал я от покойного моего родителя. Почти сими же словами отзывался его сиятельство о сих анекдотах при г. канцелярии советнике Лизакевиче и некоторых других посещавших его особах, как то мне Г. Лизакевич рассказывал.

За несколько еще лет пред тем, прославившийся изданием российской истории г. камергер тайной советник и сенатор, князь Михайло Михайлович Щербатов, брал у меня для прочтения французский перевод сих анекдотов, и возвратив мне их через две недели, советовал и требовал, чтобы я их напечатал. Его сиятельство в письме своем ко мне, писанном из Москвы от 1 июня 1780 года, упоминает о том следующими словами: «Autant que je me souviens de cet ouvrage, il y a plusieurs Anecdotes très piquantes, qui démontrent le vrai caractère de ce grand homme, tout porté pour le bien' de ses sujets, que tous ces Anecdotes sont constatés par les témoignages des témoins oculaires, de qui vous les tenez: et cela me semble sufissant pour ne pas négliger l'impression de ce livre, dont le curieux d'histoire vous seront obligés, et dont les Souverains mêmes pourront puiser des precepter pour leur conduile».[1]

[1] Насколько я помню, в этой книге есть несколько Анекдотов, очень впечатляющих, которые демонстрируют истинный характер этого великого человека, все сходятся в том, что все эти Анекдоты подлинные, по свидетельствам очевидцев, которые еще живы: и мне кажется, что они самодостаточны, чтобы рекомендовать к печати эту книгу, любопытные истории, которой будут поучительны для читателей, правители же смогут почерпнуть рецепты для своего правления.

Часть первая

1. Особенные обстоятельства второго бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной

При царе Алексее Михайловиче был Канцлером иностранных дел боярин Артамон Сергеевич Матвеев, дед первой статс-дамы (а с 1775 году Обер-Гофмейстерины её Императорского Величества Екатерины II) Марьи Андреевны Румянцевой, матери фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Его Величество удостаивал сего Министра отменной доверенности. По кончине первой своей супруги, бывшей Княжны Милославской, против древнего обыкновения прежних царей которые частных людей я не посещали, приходил он часто к Матвееву, иногда и ужинал у него. Однажды придя туда нечаянно вечером и найдя стол накрытым, сказал он Матвееву:

– Стол так хорошо и порядочно приготовлен, что всякому захочется сесть за него, и отужинать. Добро, я останусь у тебя ужинать, только с тем уговором чтобы никто для меня не тревожился, и чтобы за столом были все, кто в другое время обыкновенно с тобою садится.

– Как Вашему Величеству угодно и как прикажете, я всё приму за честь и милость моему дому, – отвечал Матвеев.

Между тем всё было готово, кушанье поставлено, и царь сел за стол. Тогда вошла хозяйка дома со своим сыном и одной девицей. Они поклонились низко царю и по его приказанию должны были сесть вместе с ним за стол. В продолжение ужина. Царь часто смотрел на сидящих за столом, особенно на девицу, которая сидела прямо напротив него. Ему казалось, что он прежде не видал ее в доме Матвеева между другими детьми, и для того его величество сказал Матвееву: Я всегда думали, что у тебя один только сын, а теперь еще в первый раз вижу, что у тебя и дочь есть; как это случилось, что я прежде ее не приметил?

– Ваше Величество думали справедливо, – отвечал Матвеев: у меня один только сын; а девица, которую вы теперь видите, дочь друга моего и родственника Кирилы Нарышкина, Дворянина живущего в своих, деревнях. Жена моя взяла её к себе в дом, чтобы воспитать в городе, и если Богу будет угодно, при случае и замуж выдать.

Царь ничего более на это не сказал, как только:

– Ты сделал дело доброе и Богу угодное.

Но после ужина, когда фамилия Матвеева встала из-за стола и вышла из столовой комнаты, а царь остался еще там с одним хозяином, его величество начал говорить о Наталье Кирилловне и сказал:

– Девушка очень хороша; кажется, имеет доброе сердце, и в таких уже летах, что пора ей замуж выйти: надобно тебе постараться сыскать ей хорошего жениха.

– Ваше величество справедливо о ней судить изволите, – отвечал Матвеев: – она умна, очень скромна и имеет самое доброе сердце. Жена моя и все мои домашние любят её, как родную нашу дочь. Но что касается до жениха, то не скоро такой сыщется. Она имеет все добрые качества, но богатства у нее мало или совсем нет; а я хотя и принял на себя право выдать её замуж, однако по малому моему имуществу большого приданного дать ей не смогу.

Царь сказал на это:

– Ей надобно такого жениха, который бы сам настолько был богат, чтобы не имел нужды спрашивать о её богатстве; но почитал бы за богатство добрые её качества и сделал бы её счастливою.

– Того-то бы я и желал, – отвечал Матвеев, но где найти таких женихов, которые смотрители бы больше на достоинства невест, нежели на богатое приданое?

– Бывают иногда и такие, – сказал царь, – подумай только ты об этом. Я и сам постараюсь сыскать такого человека. Девушка заслуживает, чтобы сделать ей счастье.

Матвеев благодарил его величество аа столь милостивое намерение и тем разговор окончился. Царь пожелал ему доброй ночи и ушел. Через несколько дней после того Его величество пришел в другой раз к Матвееву, разговаривал с ним часа два, о государственных делах и намерен уже будучи идти от него, опять сел и сказал Матвееву:

– Скажи, не забыл ли ты после тогдашнего нашего разговора постараться о достойном женихе для Натальи Кирилловны?

– Нет, всемилостивейший государь, – отвечал Матвеев; это никогда у меня из ума не выходит, только бы случай нашелся так скоро, как я желаю. Я не сыскал еще достойного для нее жениха; да и сомневаюсь, чтобы это скоро могло случишься. Многие из наших молодых дворян бывают у меня и часто видят пригожую мою питомицу, однако же никто не показывает и вида на ней жениться.

– Изрядно, – сказал царь, – может быть в этом и нужды не будет. Я сам обещал тебе постараться поискать для неё хорошего жениха. Мне удалось найти такого, которым она надеюсь будет довольна, и будет с ним счастлива. Я его знаю; он человек весьма честный, имеешь достоинства и так богат, что о её имении и приданом спрашивать не станет. Он её любит, хочет взять за себя и сделать счастливою. И она его знает, хотя он и не давал еще приметить, что хочет на ней жениться. Я надеюсь, что она не откажется за него выйти, когда он посватается.

– Я уже доносил недавно Вашему Величеству, что я весьма бы рад тому был; я избавился бы от заботы, которая всегда у меня на сердце лежит. Но смею ли спросить ваше величество об имени этого человека? Может быть, и я его знаю и могу сказать Вашему Величеству что-нибудь о его обстоятельствах?

Царь отвечал на это:

– Я уже сказал тебе, что я его знаю, что он человек честный, и добрый, и в состоянии сделать жену свою счастливою; ты можешь мне в этом смело поверить; а больше сказать тебе о нем не могу, пока мы не узнаем от Натальи Кирилловны будет ли она согласна за него выйти.

– В этом нет сомнения, – сказал Матвеев, – когда она услышит, что Ваше Величество предложили ей этого жениха. Однако же она захочет узнать, кто он таков, прежде нежели согласится за него выйти, что мне кажется и весьма справедливо.

– Ну так знай же, – сказал Царь; – что я сам тот человек, которой намерен на ней женишься.

Матвеев, изумленный столь не ожидаемым объяснением от Царя; упал к ногам его и говорил:

– Прошу ваше величество Бога ради, оставить это намерение; или по крайней мере не через меня сделать ей предложение. Вы сами знаете, всемилостивейший государь, что я между вельможами двора вашего и между знатнейшими фамилиями многих имею неприятелей, которые и без того уже завидуют отменной милости и доверенности, каких ваше величество меня удостаиваете. Что ж бы тогда было, когда бы они увидели, что ваше величество обойдя все другие знатнейшие фамилии, женились на бедной девушке из моего дома. Без сомнения зависть их и ненависть ко мне распространилась бы тогда по всему государству, и всякий бы стал думать, что я милость вашего величества употребляю во зло, и что я склонил вас взять за себя мою родственницу и питомицу для того, чтобы превзойти всех их в вашей милости и ввести мою фамилию в сродство с царским домом.

– Все это ничего не значить, – отвечал Царь: – Я постараюсь, чтобы тебе нечего было опасаться. Между тем я в намерении своем решился и не переменю его.

– И пусть так будет по воле вашего величества, – сказал Матвеев: – Бог да благословит ваше намерение. Когда уже этому непременно так быть должно, то я прошу одной милости для себя и для Натальи Кирилловны: чтобы ваше величество поступили в этом деле по здешнему обычаю; и по крайней мере для виду созвали бы ко двору своему нисколько девиц из знатнейших фамилий, а между ними и Наталью Кириловну, и выбрали бы из них публично себе невесту. Между тем, кроме вашего величества и меня, никто, даже и сама Наталья Кириловна, не будет знать о вашем намерении.

Царь признал это предложение справедливым и обещал Матвееву исполнить это и между тем никому более того не открывать. Через несколько недель объявил он своё намерение сочетаться вторым браком знатнейшему духовенству и министрам в Тайном Совете, и повелел сделать приготовления к тому, чтобы все девицы из знатнейших фамилий в назначенный день собрались к его величеству для выбора из них невесты.

Это произошло в сентябре 1670 года в Кремле, где собрались 60 благородных девиц, из коих одна была прекраснее другой. В числе их была и Наталья Кирилловна Нарышкина. Девушки были великолепно угощены. Царь обходился с ними весьма милостиво и выбрал последнюю себе в невесты[2].

[2] Графини Марии Андреевны Румянцевой, внуки упоминаемого здесь боярина Артамона Матвеева.

2. Петр Великий при смертной своей болезни не хочет простить смертоубийц

Царь Петр I, на 25 году от рождения своего, был опасно болен горячкою; когда уже не оставалось надежды к его выздоровлению и всем двором печаль овладела, в церквах же денно и нощно приносимы были за царя молитвы, то по древнему обыкновению явился судья преступников, чтоб спросить, не дать ли свободу девятерым разбойникам и убийцам, приговоренным к смерти, дабы они молили Бога о здравии царском. Как скоро Петр I сие услышал, то приказал судью позвать пред себя и повелел ему прочесть лист сих, к смерти приговоренных, **и** их преступления. Потом сказал его величество прерывающимся голосом к уголовному судье: «Разве ты думаешь, что я прощением сих недостойных злодеев и нарушением правосудия сделаю доброе дело и побужду небо к продлению моей жизни? Или что Бог примет молитву сих богоотступных мошенников и убийц? Пойди сей час и вели завтрешняго утра исполнить приговор над девятью преступниками. Я паче надеюсь, что Бог таковым моим правосудием побужден будучи к милосердию, продлит жизнь мою и дарует мне здравие».

Приговор был на другой день исполнен, царю стало ежедневно становиться легче, и спустя малое время он совершенно выздоровел[3].

[3] Известно сие от Петра Миллера, железного заводчика, которой был в тот самый день при царском дворе в Москве.

3. Петра Великого своеручная ковка нескольких полос железа

Петр I, строитель всякого добра в России, которой посещал все заводы и мастерские места и поощрял работников, приезжал также на Миллеров железный завод при реке Истии, что по Калужской дороге в 90 верстах от Москвы. Там пробыл он однажды четыре недели и пил тамошнюю целительную воду, и кроме ежедневных своих государственных дел определил себе время не только чтоб все тщательно исследовать и всему научиться, но и самому при варке и ковке железа трудиться, чтоб научиться ковать полосы. Когда же он то понял и в последний день своего там пребывания своеручно 18 пуд железа сковал и каждую полосу клеймом своим означил; причем бывшие с ним придворные юнкеры и бояры долженствовали носить уголья, пригребать оные к горну, дуть в мехи и другие отправлять с его величеством работы. Прибыл он чрез несколько дней в Москву и к хозяину того завода Вернеру Миллеру, хвалил его распоряжения на заводе и спросил его, что там получает мастер выковать пуд полосного железа? «Алтын», – ответствовал Миллер. «Хорошо, – продолжал царь, – потому и я заслужил 18 алтын и право имею от тебя их требовать». Вернер Миллер пошел тотчас к своему денежному ларцу и принес 18 червонцев, отсчитал их царю и сказал: «Такому работнику, как ваше величество, не можно меньше заплатить». Царь же, отсунув их назад, сказал: «Возьми свои червонцы, я не лучше прочих мастеров работал, заплати мне то, что ты обыкновенно платишь другим мастерам; я на то куплю себе пару новых башмаков, которые мне теперь же и нужны». А как его величество уже однажды к башмакам своим приказал подшить подметки, которые и стоптались, то взяв 18 алтын, поехал в ряды и в самом деле купил себе на оные пару башмаков, которые он часто имея на ногах, в собраниях показывал и говаривал: *«Я* их мозолями заслужил».

Примеч. Из числа сих, его величеством своеручно скованных железных полос, находится еще одна полоса с царским клеймом на Миллеровом железном заводе при означенной реке Истие, да еще другая, которую сей монарх в Олонце при Ладожском озере сковал, сохраняется в Кунсткамере Санктпетербургской Академии наук. [4]

[4] *Известно сие от него Петра Миллера Вернерова сына.*

4. Петр Великий оказывает отменное почтение к искусным лекарям и подает повод к посрамлению высокомерных шарлатанов

Всем известно, что Петр Великий совершенно знал о необходимости хороших лекарей при новозаводимом своем войске и флоте, весьма их уважал и даже сам выучился делать некоторые хирургические операции. Он обыкновенно носил с собою две готовальни; одну с математическими инструментами, для вымеривания разных предлагаемых ему планов, а другую с хирургическими инструментами. Он сам вырывал у многих больные зубы, а жену купца Борша лечил операцией от водяной болезни.

Еще на двадцатому году своего возраста имел он короткое обхождение не только с Господином Лефортом, первым своим тогдашним любимцем, но также и с Господином Тирмондом, старым, веселым и искусным хирургом, которой всегда бывал при его величестве и часто просиживал с ним за полночь. Он был в такой милости у государя, что некогда пьяный заколов старого верного своего слугу, на другой день поутру в великой горести прибежал к государю, пал пред ним на землю и просил прощения. Его величество не хотел его слушать, пока он не встанет; но как он всё ещё лежал, то Государь сам его поднял, обнял и поцеловал, и выслушал его донос. Потом его величество отвечал ему, чтобы он не заботился и не печалился, просил бы прощения только у Бога, и если остались после убитого жена или дети, то постарался бы доставить им пристойное содержание. Тирмонд исполнил это приказание, и давал вдове убитого по смерть её из своего имения ежегодно немалую пенсию.

Сей славный Тирмонд, проживший более 70 лет, оставил после себя еще довольно молодую и пригожую вдову с богатым имением. Она еще при жизни мужа своего, имея немалую склонность к любовным делам, влюбилась в одного молодого и пригожего подлекаря из Данцига, который в волокитстве был гораздо искуснее, нежели в хирургии. Вскоре потом вышла она за него и начала вести с ним жизнь весьма роскошную, ездила четвернею в великолепном экипаже и щегольством своим во всей Москве обращала на себя внимание. Государю при случае донесено было о сем с презрительным описанием её мужа. Его величество некогда будучи в гостях у одного боярина с тем, кого он, удостаивал дружеским обхождением, послал за молодым наследником любимого своего Тирмонда. Он подумал, что Государь хочет принять его на место своего любимца, приехал в великолепном наряде и в самом лучшем своем экипаже. Все подбежали к окошкам смотреть, как он въезжал на двор. Как скоро щеголеватый подлекарь предстал пред Государем, то его величество расспрашивал его обо всех его обстоятельствах, и он должен был в присутствии всего собрания выдержать строгий экзамен. Потом Государь признал его за незнающего и недостойного наследника искусного Тирмонда, и приказал привести со двора в особенную комнату множество дворовых работников и крестьян и заставил щеголеватого подлекаря остричь и обрить всем им большие их бороды, а после того отпустил его обратно домой в его экипаже. Это приключение столь досадно было высокомерному щеголю и любезной его супруге, что они через некоторое время после этого с остатком своего имения уехали в Данциг. Там жили они нисколько лет с такою же пышностью и также весело, пока не прожили все свои деньги. Старой знакомец Тирмонда видел после, во время Шведской войны бывшего подлекаря бедным маклером, а жену его нашел в таком состоянии, что она должна была за деньги мыть чужое белье.[5]

■

[5] От г. Шольца, штаб-лекаря при Измайловском полку.

5. Петра Великого отвага в очевидной опасности при наговоре Сикеля и Соковнина и их шайки стрельцов

В особенном рассуждении о наименовании Великий, которое я в Санкт-Петербургских примечаниях 1740 или 41 году припечатал, обстоятельно изъяснено и с примерами предложено, что наименование Великий никакой государь, ниже герой после смерти своей о себе не подтвердил и с беспрекословным согласием всех народов до нынешних времен не удержал, как только тот, с которым случались следующие обстоятельства и который одарен был нижеозначенными свойствами, как то: великим духом, природною остротою и разумом, сильным желанием к произведению чего-нибудь великого; и которой был окружаем великими опасностями и препонами, но которой преодолевал великими и неутомимыми трудами, храбростью и постоянством, коими он приводил к концу свои намерения, от чего проистекала великая и всеобщая польза, которую через то государство получало. В вышеупомянутом рассуждении ясно показано, что все сие точно в Петре Великом находилось и что он в том превзошел многих, приобретших прежде сего наименование Великого. Можно было бы в подробнейшей истории о Петре Великом весьма ясно показать, что единая его неустрашимость все препятствия преодолевала и его от многих очевидных опасностей спасала, а также во всех его великих предприятиях ему всепомоществовала. В доказательство сего предложу я здесь два особенные приключения, коих обстоятельства хотя различно рассказывают, но здесь оныя так поставлены, как были произнесены устами очевидных и достоверных свидетелей.

Во время возмущения стрельцов, одна рота сих злобных тварей и с ними два офицера Сикель и Соковнин вознамерились умертвить Петра Великого. А чтоб удобнее сего государя в свои сети уловить, положили они зажечь посреди Москвы два соседственные дома. Поскольку царь при всяком пожаре всегда являлся прежде тех, которые его тушить долженствовали, то сговорившиеся хотели тотчас явиться на пожар, притвориться старающимися тушить, понемногу в сей тесноте окружить царя и неприметно его заколоть.

Наступил день ко исполнению сего неистового намерения: заклявшиеся, яко откровенные друзья, собрались обедать к Соковнину, а после стола пьянствовали до самой ночи. Каждой из них довольно нагрузил себя пивом, медом и вином. Между тем как прочие продолжали доставлять себе питьем мужество к исполнению сего проклятого предприятия, вышел на двор около восьмого часа времени один стрелец, которого как напитки, так и совесть обременяли. Другой, почувствовав такое же движение, пошел тотчас за ним. Когда сии двое находились на дворе наедине, то сказал один другому:

– Я, брат, не знаю, что из этого будет.

– В том нет никакого сомнения, что нам будет худо. Можем ли мы честно из такой опасности освободиться?

– Так, брат, – ответствовал другой, – я совершенно держусь твоего мнения. Иного средства нет, как нам идти в Преображенское и открыть о том царю.

– Хорошо, – сказал первый, – но как нам вырваться от наших товарищей?

– Мы скажем, – ответствовал другой, – что пора перестать пить и разойтись по домам, ежели нам в полночь надобно исполнить наше предприятие.

Потом ударили они по рукам и вошли опять в собрание сих единомышленников, коим свое мнение и предложили. Все на то согласились и заключили тем, что ежели кто хочет на несколько часов идти домой, тот может сходить, но обещание свое подтвердить рукою, чтоб непременно в полночь опять явиться; а прочие бы остались у Соковнина, пока дома загорятся и начнут бить в набат.

Потом отправились эти двое от них и пошли прямо в Преображенское, где царь имел свое пребывание. Они сказали о себе одному царскому денщику, что желают говорить с царем. Царь, не доверяющийся им уже тогда, приказал их спросить, что они имеют донести. Они ответствовали, что того никому, как только самому его величеству, сказать не могут, для того, что оно весьма важно и не терпит ни малейшего упущения времени. И так сей государь вышел в прихожую и приказал обоих стрельцов пред себя позвать. Как скоро они к нему подошли, то бросились ниц на землю и говорили, что при сем приносят головы свои под меч, которой они заслужили, вдавшись в измену против него с ротою их товарищей, которые все сидят у Соковнина и по заговору своему ожидают в полночь набатного колокола, чтобы тогда царя убить. Сей ужасный донос слушал храбрый царь с равнодушием и спросил их только, правду ли они говорят? «Точно так, – сказали оба стрельцы, – мы теперь в твоей власти, вот головы наши, пойдем только к ним, то застанем их вместе до самой полуночи».

Доносителей задержали в Преображенском под стражей, а поскольку было тогда около восьми часов вечера, то царь тотчас написал записку к капитану лейб-гвардии Преображенскаго полку Лопухину (иначе Липунов), приказывая ему в оной собрать тихим образом всю свою роту и к одиннадцатому часу перед полуночью таким образом идти к дому Соковнина, чтоб в одиннадцать часов тот был весь окружен и все в нем находящиеся были перехвачены. Капитан верно исполнил сей приказ. А как царь думал, что в записке своей означил десятый час, то и чаял, что в половину одиннадцатого часа все застанет у Соковнина в доме исполнено. И потому по прошествии десяти часов сел он, не мешкая, в одноколку и с одним только денщиком прямо поехал к Соковнину в дом. Прибыл туда в половине 11 часа; не мало удивился, что ни у ворот, ниже вокруг дома не застал ни одного солдата отряженной гвардейской роты. Не взирая на это подумал он, что караул расставлен на дворе. Ни мало не размышляя, въехал он прямо на двор, вышел у крыльца из одноколки и с одним денщиком вошел в покои. Все тотчас в доме зашумели, когда узнали, что приехал царь. Петр Великий с неустрашимым духом вошел в покой и застал Соковнина, Сикеля и всю роту заклявшихся изменников, которые тотчас встали и изъявили своему государю должное свое почтение. Царь ласково им поклонился и сказал, что мимоездом усмотрев у них великой свет, подумал, что необходимо у хозяина есть гости; а как ему еще рано показалось лечь спать, то и заехал в сих мыслях посетить хозяина. В сколь великом изумлении и гневе царь внутренно ни был на отряженного капитана, которой, по его мнению, в определенное время приказа не исполнил; однако он скрывал свои внутренние движения. Он довольно времени там просидел, а изменники его пред ним стояли и выпили круговую за царское здравие, на что он им храбро отблагодарил. Между тем кивнул один стрелец Соковнину и сказал ему тихо: «Пора брать!» Соковнин, не хотевший еще открыть проклятого своего предприятия, так же ему мигнувши, сказал в ответ: «Еще нет». Как он сие говорил, вскочил в полной ярости Петр Великий и, ударив Соковнина кулаком в лицо, так что он упал, произнес громким голосом: «Ежели тебе еще не пора, сукин сын, то мне теперь пора. Свяжите сих скотов!» В ту же самую минуту по ударении 11 часов вошел в покой гвардейской капитан, а за ним солдаты его роты, с ружьями и примкнутыми штыками. Прочие изменники тотчас пали на колени и повинились. Царь приказал, чтоб изменники сами себя вязали, что и исполнено было. Потом оборотился царь к гвардейскому капитану и в первом жару дал ему пощечину, упрекнув его притом, что он в означенный час не являлся. Сей оправдался письменным его повелением, которое он, вынув из кармана, показал царю; царь же, усмотрев свою ошибку, что он одним часом описался, поцеловал капитана в чело, признал его усердным офицером и отдал ему под стражу связанных изменников. Какое же изменники получили воздаяние, известно свету.[6]

[6] Известно сие от Ивана Юрьевича Трубецкова, генерал фельдмаршала, которой был тогда капитаном лейбгвардии Преображенскаго полка и царем был отряжен к казни сих изменщиков.

6. Петр Великий награждает верность и в самом бунтовщике

Хотя разные писатели описывали стрелецкие бунты в Москве, но никто еще не собрал довольно обстоятельств до оных касающихся, которые можно услышать только от старых людей в Москва и Петербурге. Эти люди время от времени умирают, а с их смертью пропадают подлинные известия, как о самих бунтах, так и о многих важных приключениях Петра Великого, которых были они свидетелями.

Я часто делал предложение, чтобы прилагаемо было старание собирать какие только можно известия о Петре Великом от тех людей, которые некогда имели счастье обходиться с ним и быть свидетелями его предприятий, дабы со временем можно было сочинить истинное и полнее описание жизни сего Великого Монарха и тем уничтожить все ложные и несовершенные о нем повествования поныне находящиеся. Надлежало бы рачительно о семь стараться, потому что через несколько лет, как это вероятно, не останется уже никого в живых из тех, которые лично знали Петра Великого.

Предложение мое всеми было одобрено, и некоторые из моих знакомых, бывшие еще во время Петра Великого в Российской службе, хотели сами начать писать некоторые особенные известия о словах и делах сего Императора. Между другими знатными особами, которые не имели охоты писать, но при случае охотно такие известия рассказывали, достопочтенный старый фельдмаршал, князь Иван Юрьевич Трубецкой, сам приказал мне, чтобы я за столом, или ввечеру, когда он по своему обыкновению курил табак, смело напоминал ему о том и заводил бы разговор о временах Петра Великого. Он милостиво обещал мне рассказывать о сем Великом Императоре многое, чего нигде ещё не описано. При случае разговора о стрелецком бунте рассказывал он, что будучи капитаном Преображенского полка, стоял он на карауле у царевны Софьи Алексеевны, которая заключена была в Москве в Девичьем монастыре в комнате со сводами и крепкими железными решетками. Преданные ей стрельцы, подкопавшись нечаянно под монастырь, разломали снизу пол в той комнате, где царевна содержалась, увели ее подземным ходом, сделали новой бунт и хотели истребить всех, кто бы стал им сопротивляться. Много тогда, пролито было крови, и между прочими в ярости своей искали они и бывшего у царевны на карауле капитана Трубецкого. Они дошли уже до того места, откуда не мог он скрыться; но тогда один из них, который был некогда брадобреем у капитана и получал от него многие милости, захотел избавить его от неизбежной опасности и вызвался указать им, где капитан скрывается, потому что он прослужив несколько времени у него, знал все места в его доме. Таким образом отвел он раздраженных стрельцов от дверей той комнаты, в которой Капитан заперся, и дал ему время спастись бегством.

Через несколько дней, когда бунт был усмирен, стрельцы переловлены и осуждены на заслуженную казнь, капитан Трубецкой будучи с государем на месте казни, нечаянно увидел между множеством перевязанных и на плахи положенных стрельцов и своего брадобрея, который спас его жизнь, Тотчас упал он к ногам царским, рассказал о верности этого осужденного стрельца и просил ему помилования. Честность сего несчастного столь понравилась Петру Великому, что он немедленно приказал поднять его и спрашивал его самого, как он избавил капитана от убийц. Стрелец рассказал об этом приключении, также как и капитан доносил Государю. Петр Великий отдал его Трубецкому с тем условием, чтобы он никогда в Москве не показывался. Князь Трубецкой отослал его с женою и с ребенком в самые дальние свои деревни, дал ему землю для хлебопашества, и освободил его и потомков его от обыкновенного

оброку. Фамилия князей Трубецких и поныне еще соблюдает то над его внуками и правнуками[7].

[7] От князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

7. Петра Великого острое изречение английскому королю Виллиаму

Краткое время, которое Петр Великий при первом своем путешествии по чужим краям в Лондоне препроводил, сделалось, как он сам сказывал, от множества достопамятных вещей, которых он до сего не видывал, еще короче.

Он обыкновенно ездил и, прохаживаясь весь день, по возвращении вечером на свою квартиру, все, что днем ни усмотрел и заметил, повторял с теми, которые с ним были, притом так же часто говаривал, что ему надлежит стараться еще однажды побывать в Англии, ибо он там много находил нужного для себя научиться.

Как он однажды препроводил утро в рассматривании великолепного строения и превосходного расположения Греенвигскаго госпиталя, в котором призреваемы были инвалидные матросы, и обедал при дворе с королем Виллиамом; в то же время спросил его король, как ему нравится Греенвигский госпиталь? – «Чрезвычайно, – ответствовал царь, – да при том настолько он мне нравится, что я бы советовал вашему величеству занять его вашим дворцом, а дворец ваш уступить живущим там матросам»[8].

[8] Известно это от английского резидента Рондо в Петербурге.

8. Замысловатый отказ Петра Великого на прошение жидов, чтобы он позволил им жить в России

Когда государь Петр I еще в первый раз был в Голландии, учился в Сардаме искусству строить корабли и повсюду наведывался обо всем потребном для приращения торговли, заведения мануфактур и обрабатывания продуктов своей земли; и тогда уже явно было, что одним из главных предметов его стараний было заведете торговли в своем Государстве. Он старался вызывать в Россию искусных художников, фабрикантов, ремесленников и купцов, давая им разные привилегии, совершенную свободу и доставляя многие выгоды. Хитрые амстердамские жиды надеялись воспользовался этим случаем. Хотя они знали, что царь Иван Васильевич выгнал жидов из Российского государства и последовавшие за ним Цари также не позволяли им жить в России; но они думали, что Петр Великий, совсем преобразуя Россию и отменяя столь многие старые обычаи, отменит и узаконение царя Ивана Васильевича, касающееся до их нации. Итак взяли они прибежище к славному амстердамскому бургомистру Ван-Витсену[9] и просили его, чтобы он исходатайствовал им у его величества позволение селиться в России, заводить купеческие конторы и производить торговлю, так же, как это было позволено и другим иностранцам; причем не позабыли они весьма подробно описать знатные выгоды какие получали бы россияне продавая продукты своей земли, через жидовских купцов». Сверх этого обязывались они из благодарности за исполнение их просьбы поднести Государю на первой случай в подарок сто тысяч гульденов наличными деньгами.

Бургомистр Витсен склонился на это и пообещал жидам при первом случае предложишь Государю их просьбу. Сей почтенный муж, которого государь почитал как верного советника и почти ни в чем ему не отказывал, сдержал свое слово и при первом случае представил императору предложения и просьбу жидов. Государь сперва слушал его с важностью, а потом, улыбаясь отвечал ему следующими словами:

– Господин Витсен, вы знаете жидов, знаете и образ мыслей моего народа; и я также знаю и тех, и других. В рассуждении первых еще не время позволить жидам селиться и жить в моем государстве. Скажите им моим именем, что я благодарю их за их предложение, но я стал бы жалеть о них, если бы они поселились в России, ибо хотя и думают о них, что они в торговле весь свет обманывают, однако ж я опасаюсь, что они у моих россиян не много бы выторговали.[10]

[9] (*) Николай Витсен был не только Амстердамский бургомистр, но и один из знатнейших людей, великий политик и ученый Голландских и Вест-Фрисландских штатов. В молодости своей он находился при Голландском посольстве в Москве и представлен был царю Алексею Михайловичу. Это пребывание в России подало ему первый повод с великим иждивением, со многими трудами и посредством пространной переписки и обращения с купцами и с другими армянами, персами, турками, грузинами и проч. собирать в Амстердаме материалы для издания Географической карты Северо-Восточной Татарии, которую посвятил он и переслал молодому Царю Петру Алексеевичу еще прежде прибытия его в Голландию. Через несколько лет потом, в 1692 году выдал он в первой раз выдающееся свое сочинение, называемое «Северная и Восточная Татария», на голландском языке, Петр Великий в Голландии имел короткое знакомство с этим ученым и искусным в политике мужем и весьма пользовался ежедневным с ним общением. Витсен умер в 1717 году.

[10] Известно это от голландца Гофи, любимого лекаря Петра Великого, которого его величество привез с собою из Голландии.

9. Мысли Петра Великого о Венском Дворе

Известно, что Петр Великий на обратном пути из Англии и Голландии, проезжал через Германию в Вену, и там принят был императором Леопольдом с отменным почтешем. Но неожиданное извесmие из Москвы о возмущении стрельцов скоро отозвало его оттуда и воспрепятствовало ему пробыть долее при императорском дворе и ехать в Венецию, как он прежде был намерен. Однако проницательный монарх и в столь короткое время пребывания своего в Вене увидел, приметил и удержал в памяти много достопамятного. Некогда в Петербурге за столом своим, при случае разговора о Венском Дворе, сказал он, что все ему понравилось у Императора Леопольда; но только то странно показалось, что он при Дворе его везде находил иезуитов, и что это для него весьма удивительно: ибо Император знает, что они имея в его Государстве не менее земли, а денег еще более, нежели сам его величество, в последнюю тяжкую войну с Турцией, в 167З году, не помогали ему ни рекрутами, ни деньгами[11].

[11] От Тайного Советника Веселовского.

10. Мысли Петра Великого об иезуитах

Петр Великий терпя все исповедания Христианской веры без различия, позволял в своем Государстве иностранцам иметь публичные церкви, собственных своих священников, проповедников и других церковных служителей, а римским католикам и духовные их Ордена. По просьбе Римского Императора Иосифа I позволил он капуцинам иметь небольшой монастырь при их церкви в Москве, в Немецкой слободе, а францисканцам при церкви их в Петербурге. Только об иезуитах не хотел он ни от кого слышать и не терпел их в России. Он часто говаривал о них: «Я знаю, что иезуиты по большей части люди ученые, во всяких художествах искусные и способные, но не для меня: я знаю и то, что они кажутся всегда набожными, однако ж набожность свою употребляют только для своего обогащения и для прикрытия, а училища их и искусства служат орудиями их умыслам, выгодам Папы и их властолюбию, чтобы управлять Государями по своей воле. Некогда, говоря об этом слишком усилившемся Орден, сказал он:,Иезуиты не могут отстать от того, чтобы не мешаться во все государственные дела. Я удивляюсь тому, что есть дворы в Европе, которые не могут или не хотят этого видеть. При всей тонкости французского и испанского дворов, я не почитаю политику их очень высокою, потому что они терпят при себе иезуитов, которые присвоили себе великие владения в европейских и американских их землях и не однажды умерщвляли государей, которые были им противны». [12]

[12] От государственного канцлера графа Бестужева.

11. Гнев Петра Великого за напрасно пролитую кровь

Как Петр Великий в 1704 году, по долговременной осаде, взял наконец приступом город Нарву, то разъяренные российские воины не прежде могли быть удержаны от грабежа, пока сам монарх с обнаженною в руке саблею к ним не ворвался, некоторых порубил и отвлекши от сей ярости в прежний привел порядок. Потом пошел он в замок, где пред него был приведен пленный шведский комендант Горн. Он в первом гневе дал ему пощечину и сказал ему: «Ты, ты один виною многой напрасно пролитой крови, и давно бы тебе надлежало выставить белое знамя, когда ты ниже вспомогательного войска, ниже другого средства ко спасению города ожидать не мог». Тогда ударил он окровавленною еще своею саблею по столу и в гневе сказал сии слова: «Смотри мою омоченную не в крови шведов, но россиян шпагу, коею укротил я собственных своих воинов от грабежа внутри города, чтоб бедных жителей спасти от той самой смерти, которой в жертву безрассудное твое упорство их предало».[13]

[13] Известно это от Анны Ивановны Крамер, которая во время осады жила с родителями своими в Нарве; оттуда пленницею взята в Россию и по многих жизни переменах была в царском дворе придворною фрейлиною.

12. Петр Великий слушает проповедь в главной Данцигской церкви

На втором путешествии в Голландию, в 1716 году, Петр Великий прибыл в Данциг в Воскресный день перед обедом, когда надлежало запирать городские ворота. Проезжая по городу, с удивлением приметил он, что улицы были пусты и почти ни один человек не встречался с ним до самого того трактира, в котором он остановился. Войдя в трактир, спросил он у хозяина, какая тому причина, что в таком многолюдном городе не видно на улицах почти ни одного человека? Хозяин отвечал Государю, что весь народ в церкви слушает проповедь, и для того во время Богослужения запираются городские ворота. Государь не хотел пропустить такого случая увидеть воскресное тамошнее богослужение и просил хозяина, чтобы он проводил его в церковь. Там находился и правительствующий Бургомистр, которой уже был уведомлен от караульных о прибытии его величества. Государь вошел в церковь, когда проповедь была уже начата. Бургомистр тотчас встал со своего места, пошел навстречу Царю и отвел его к бургомистрскому месту, которое сделано было повыше других. Его Величество сев без всякого шума, заставил бургомистра сесть подле себя и слушал проповедь с великим вниманием. Многочисленное собрание в церкви смотрело больше на Государя, нежели на проповедника; но это не могло нарушить его внимания, и он почти не спускал глаз с проповедника.

Между тем, почувствовав, что открытой его голове было холодно, снял он, не говоря ни слова, большой парик с сидевшего подле него бургомистра и надел себе на голову. Итак, Бургомистр сидел с открытой головою, а Государь в его большом парике до окончания проповеди, потом же он снял парик и отдал Бургомистру, поблагодарив его небольшим поклоном.

Можно вообразить, какое удивление произведено было сим приключением для Данцигских граждан столь необычайным, но для государя весьма обыкновенным и ни мало не стоящим внимания. По окончании богослужения городской магистрат прислал от себя к Государю депутатов для, засвидетельствования ему почтения от всего города и для пожелания ему благополучного пути. Тогда один господин из царской свиты, рассказал депутатам, что данцигское богослужение весьма понравилось его величеству, а приключение в церкви с париком господина бургомистра не должно казаться удивительным и необычайным, потому что его величество не смотрит на мелочные церемонии и привык в церкви, когда голове его бывает холодно, снимать парик с князя Меншикова или с кого-нибудь другого из стоящих подле него, и надевать на себя[14].

[14] От городского синдика Валя и Бургомистра Эверса, данцигских депутатов, бывших в Петербурге при императрице Анне Иоанновне, при взятии Данцига российскими войсками в 1734 году.

13. Замысловатый ответ Петра Великого, касающийся экономии

Государь Петр I при путешествии своем в Голландию, прибыв в Валдейскую область в Нижней Саксонии, остановился там на несколько дней, чтобы попить славную Пирмонтскую воду. Графы Валдексте (нынешние князья) приехали туда же, к знаменитому своему гостю и просили его величество по окончании лечения заехать к ним в новопостроенный их замок Арголцен, или Аролзен, отобедать. Государь обещал приехать и в назначенный день исполнил свое обещание. По окончании обеда, который был чрезвычайно великолепен и продолжался весьма долго, хозяин водил его величество по замку и все ему показывал. Потом граф спросил у его величества, как показалось ему новое строение? Государь, привыкший к умеренной жизни, отвечал, что расположение кажется ему весьма приятно, а строение весьма хорошо и великолепно, однако же он приметил в нем большую ошибку. Граф просил его величество указать эту ошибку. «Она только в том состоит, отвечал Государь, что кухня сделана слишком велика.»[15]

[15] От фельдмаршала графа Миниха.

14. Равнодушие Петра Великого при бесстыдстве голландского трактирщика

На втором путешествии в Голландию в 1716 году, Пётр Великий прибыв с небольшою своею свитою в Нимвеген при наступлении ночи остановился в трактире, чтобы там переночевать и на другой день поутру отправиться в путь. В таком намерении захотел он скорее успокоиться и потребовал к ужину только несколько яиц всмятку и кусок хлеба с Голландским маслом и сыром. Спутники его ужинали вместе с ним и выпив притом две бутылки красного вина, легли спать. На другой день на рассвете, лошади стояли уже запряженные на дворе. Бывший при государе гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев спросил у хозяина, что ему надобно за ночлег и за ужин? Трактирщик потребовал 100 червонных. Гофмаршал весьма удивился и говорил трактирщику, не стыдно ли ему требовать такой необычайной платы за дюжину яиц и за кусок хлеба с сыром и маслом? Нет, отвечал трактирщик, и вы непременно должны заплатить мне 100 червонных. Он повторил это несколько раз и не соглашался ни мало уступить. Шепелев не осмелился заплатить и поставить в счет столь чрезвычайную сумму, пошел к Государю и спросил у него, как он прикажет поступить с бесстыдным трактирщиком. Его Величество, думая, что его никто не знает, вышел сам как бы нечаянно на двор и спросил у хозяина по-голландски, за что он требует такую большую сумму?

– Велика ли сумма 100 червонных? – отвечал трактирщик: – я заплатил бы 1000 червонных, если б я был Российский Царь. – Государь возвратился, не сказав ни слова, и приказал гофмаршалу заплатить 100 червонных. Бесстыдный трактирщик получив деньги, отпер ворота и пожелал путешественникам благополучного пути.[16]

[16] От гофмаршала Дмитрия Андреевича Шепелева.

15. Упражнения Петра Великого в Париже

Пётр Великий сам сочинил план путешествия своего в Париж (в 1717 году) и реестр достопамятных вещей, о которых хотел там поспрашивать, и которые он хотел бы осмотреть. При первом посещении королевского опекуна и правителя Франции, герцога Орлеанского, просил он, чтобы все церемонии были оставлены, а вместо того показали бы ему Королевские строения, инвалидные дома, госпитали, арсеналы, фабрики, мануфактуры и монетные дворы, и проч.

Правитель, приняв Государя с великим почетом, уверял его, что все будешь исполнено с особенным удовольствием, чего бы его величество ни потребовал. Потом правитель представил ему молодого короля Людовика XV, который сделал царю небольшое приветствие, и как Государю надлежало низко наклоняться, чтобы смотреть ему в лицо, то Российский монарх, нечаянно подняв французского и взяв на руки[17], с ласковым видом сказал ему: «Желаю от всего сердца Вашему Величеству благополучно вырасти, и со временем славно царствовать. Может быть, некогда будем мы друг другу нужны и полезны». Князь Куракин, которой находился Посланником при Штатах Голландских и Вест-Фрисландских и должен был ехать с Государем из Гааги в Париж, занимал при этом посещении, равно как и везде в Париже, место царского переводчика. Государь наслышавшись о славном заведении в Сент-Сире, недалеко от Версаля, которое учредила госпожа Ментенон, набожная любовница Людовика XIV, для содержания некоторого числа благородных девиц и для собственного своего убежища в старости, захотел осмотреть оное. Он приказал уведомить о том г-жу Ментенон и получил от нее ответ, что она почла бы посещение Его Величества за отменную себе честь, если бы не была больна и почти не в состоянии принимать посещений. «Это не помешает, – сказал Государь: – я не хочу ее обеспокоить, однако же мне должно ее увидеть и засвидетельствовать ей моё почтение. Она оказала много услуг королю и государству, делала весьма много добра, и никогда почти не делала зла, кроме того, что она по простоте и суеверию сделала гугенотам[18].»

В самом деле он в тот же день поехал в Сент-Сир, чтобы посетить г-жу Ментенон. Найдя ее на постели, у которой занавесы были задернуты, он отдернул их потихоньку, сделал больной весьма ласковое приветствие, сел у ног её на постели, извинялся в том, что может быть ее обеспокоил, говоря, что он приехал с тем намерением, чтобы увидеть в Париже и Версале что всего достойнее примечания, и не мог оставить Францию не повидав ее и не изъявив ей особенного своего почтения. Потом его величество, не спуская с нее глаз, спросил ее, чем она больна? Старостью, отвечала она слабым голосом. Этой болезни все мы подвержены в долголетней жизни, сказал Государь, Потом встав, пожелал ей облегчения и пошел осматривать прекрасное расположение и учреждение её института.

На другой день его величество осматривал славную Гобеленскую шпалерную Фабрику с великим вниманием и удивлялся сей работе. Там были поднесены ему именем правителя четыре большие картины, тканые с прекрасных картин славного Жувенета и представляющие: рыбную ловлю Св. Петра, воскресение Лазарево, исцеление расслабленного и изгнание из храма торгующих, на коих все фигуры были в человеческой рост.[19]

В Королевской библиотеке, где показывали Государю знатнейшие редкости, поднесены ему были 12 книг переплетенные в сафьян с золотом, в которых собраны были изображе-

[17] Людовику XV было тогда 7 лет. *(Прим. ред.).*

[18] Имеется ввиду отмена Нантского эдикта в 1685 г.

[19] Эти прекрасные обои, которые ценят в 6000 талеров, сохранены и поныне в целости. За несколько лет перед этим украшены ими были три стены в одном покое Императорского Зимнего Дворца в Петербурге.

ния Королевских строений и садов в Версале и походов Людовика XIV, рисованные славным Фандер-Миленот, и гравированные самыми лучшими художниками в Париже.[20]

Но нигде не сделано было Государю приятнейшего угождения, как в Королевском монетном дворе, в осматривании которого Его Величество проводил целое утро. Обойдя с великим вниманием все мастерские и расспросив обо всех вещах, какие он там видел, просил он наконец, чтобы показали ему, как тискаются медали. Начальник монетного двора тотчас приказал принести золотые и серебряные кружочки, на которых тискают медали и велел монетному мастеру подать штемпель. «Какой прикажете?» – спросил мастер. «Какой-нибудь», – отвечал начальник. Тотчас положили штемпель в тиски, наложили на него золотой кружочек и тиснули. Государь, примечавший внимательно все приёмы, первый подошел к тискам и смотрел, как вынимали медаль. Но в какое приятное удивление пришел монарх, когда он, взяв от начальника монетного двора золотую медаль, вынутую из тисков, на одной стороне оной увидел весьма похожий свой грудной портрет, а на другой стороне весьма лестное приветствие в эмблематическом изображении, представляющем реку и летящую славу, с надписью: Crescit eundo (т. е… в течении возрастает). Он стоял некоторое время удивляясь этой не ожидаемой медали, рассматривал ее пристально, переворачивал несколько раз и наконец показав ее своим спутникам, сказал им по-русски: «это я, точно я». Потом продолжали тискать эту медаль и знатнейшим из царской свиты поднесено было по золотой, а прочим по серебряной медали. Эмблематическое изображение изобретено было наперед и штемпель сделан был, как скоро получено было из Голландии известие, что Государь намерен ехать в Париж и без сомнения будет там осматривать всякие заведения.

Его Величество имел эту, столь ему понравившуюся медаль всегда в своем кабинете; а по смерти его отдана она в кабинет Санкт-Петербургской Академии Наук, где и поныне хранится в драгоценном собрании Российских медалей.[21]

[20] Эти драгоценные книги Государь имел всегда в своем кабинете, а по смерти его отданы они в библиотеку Академии Наук.

[21] От барона Черкасова, который при путешествии в Париж был при его величестве секретарем.

16. Старание Петра Великого узнавать все полезное.

Земледелие было одним из важнейших предметов попечения мудрого Российского монарха. Где только мог он заметить что-нибудь служащее к поправлению оного, или что-нибудь вообще до экономии касающееся, никогда не уклонялось то от его внимания.

На путешествиях своих по Германии, Голландии и Франции часто выходил он из коляски, посмотреть на полевую и домашнюю крестьянскую работу и сам разговаривал с мужиками. Часто входил он в крестьянские дома и шалаши, осматривал их жилища, земледельческие орудия и до хозяйства касающиеся распоряжения, приказывал иногда на месте срисовывать некоторые вещи, и записывал свои примечания в записной книжке, которую всегда носил с собою; особенно же делал всё это на почтовых станциях, между тем, как переменяли лошадей.

На обратном путешествии из Парижа, проезжая через одну деревню, увидел он в небольшом садике работающего человека, который одет был не по-крестьянски. Государь приказал спросить о сем трудолюбивом человеке, и узнав, что то был деревенской священник, пошел к нему в сад, который насажен был множеством самых лучших и плодовитых деревьев и замыкался почти целою рощею шелковичных деревьев, которыми также дом его и двор вокруг были усажены. Государь разговаривал с ним более получаса о садовой и полевой его работе, и между прочим узнал от него, что большую часть сих шелковичных и других плодовитых деревьев сам он насадил и вырастил. Государь спрашивал у него, от чего это происходит, что он будучи священником, сам должен работать и помогают ли ему прихожане его в работе? «Весьма редко, Государь мой, отвечал священник; у них по большей части и своей работы так много, что мало им остается времени; а мне должность моя оставляешь столько времени, сколько потребно для полевой и садовой моей работы; и когда Бог дает хорошую погоду и я работаю прилежно, то получаю в год нисколько сот ливров за плоды и шелк, которые продаю. Таким образом могу я жить лучше, нежели малым содержанием, какое получаю от моего прихода. Российскому монарху весьма приятно было слушать сего доброго священника; он записал в своей книжке его имя и название деревни, и с удовольствием говорил своим спутникам: «Вот добрый человек! он сам достает себе своими трудами вино и сидр и сверх того ещё наличные деньги. Напомните мне о нём, когда мы возвратимся в наше отечество. Я постараюсь заставить и наших деревенских попов также работать, чтоб и они полевою и садовою работою доставали себе хлеб, пиво и квас, и могли бы жить лучше, нежели как ныне живут в праздности.[22]

[22] От барона Ивана Антоновича Черкасова.

17. Удивительная любовь Петра Великого к своему государству и отечеству

Известно свету, что сей великий монарх совершенно преобразил Российское государство, и через восстановление регулярного войска и сильного флота, чрез введение лучшего воспитания благородного юношества, учреждения многих для своего государства в рассуждении внешней торговли доходных заводов, художеств и наук, оное очевидно вознес, соседственным государствам сделался страшным и во всех частях света знаменитым; известно и то, сколько печалей нанес ему сын его Алексей Петрович, которого он почел неспособным наследовать и совершенно от престола отрешил. И так он по одной любви к отечеству исключил родного своего сына из наследства, чтоб некогда при его восшествии не рушилось сие сильное и великолепное здание государственного его правления, и просвещенные жители оного не ввернулись бы паки в прежней мрак неведения.

Еще ужаснейший опыт его таковой его ревностной любви к отечеству, в пользу коего сей отец отечества сам собою хотел пожертвовать, явствует из его в кабинете находящегося своеручного письма к Правительствующему сенату в Петербург из лагеря при Пруте 1711 года, когда он со своею армиею по несчастному случаю был 100 000 турками окружен и все дороги к привозу съестных припасов были ему пресечены. В сих опасных и почти отчаянных обстоятельствах, от коих он, по-видимому, никоим образом спасти себя не мог, кроме особенного чуда, пекся он больше об отечестве, нежели о себе самом, не взирая на то, что он видел пред собою очевидную опасность либо попасться в турецкий плен, или совсем погибнуть.

Как неустрашимый сей герой усмотрел минуту сей крайней и неизбежной опасности и почитал себя и войско свое погибшими, сел он спокойно в своей палатке, написал письмо, запечатал оное, позвал одного из вернейших своих офицеров и спросил его, подлинно ли он надеется пройти сквозь турецкое войско, чтоб свезти в Петербург депешу? Офицер, которому все дороги и лазейки того места были известны, уверял царя, что он совершенно надеется пробраться и чтоб его величество на то положился, что он благополучно достигнет Петербурга. Положась на такое уверение, вручил ему царь своеручное свое письмо с надписью «Правительствующему сенату в Санкт-Петербурге», поцеловал его в чело и только сказал: «Ступай теперь с Богом!»

Офицер в десятый день благополучно прибыл в Петербург и вручил письмо в полном собрании Сената. Но сколь ужаснулись собравшиеся сенаторы, как запершись в одну комнату и по прочтении своеручнаго царского письма нашли следующее в оном содержание: «Уведомляю вас чрез сие, что я со всем моим войском без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие в четверо сильнейшим турецким войском таким образом окружен и столько дороги к привозу провианта пресечены, что я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турецкий плен предусматриваю. Ежели ж случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем и ничего не исполнять, чтобы до ваших рук ни дошло, хотя бы то было и своеручное мое повеление, покамест не увидите меня самолично. Ежели же я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником».

Подлинник внесенного здесь письма находится в кабинете Петра Великого при Санкт-Петербургском императорском дворе между многими другими своеручными письмами сего монарха и был многим знатным особам показыван от приставленного к сему кабинету надзирателя князь Михаилы Михайловича Щербатова.[23]

[23] Известно сие от князя Михаилы Михайловича Щербатова, камергера и герольдмейстера Правительствующего сената.

18. Любовь Петра Великого к хорошим картинам

На втором своем путешествии, в 1716 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме освещал он славнейших в то время живописцев, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работали, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довел вкус свой в знании картин до немалой тонкости. Фламандские и брабантские картины предпочитал он всяким другим и собрал множество оных работы славнейших мастеров. Рубенс, Ван-Дейк, Рембрандт, Ян Штейн, Вандер-Верф, Лингельбах, Берггейм, Миерис, Вуверман, Брейгель, Остаде, Ван-Гуйзум, и проч. были его любимцы; особенно же любил он картины, представляющие морские виды и корабли. Отменно уважал он картины славного Адама Сило, который сперва сам был корабельным капитаном, а потом с великим успехом посвятил себя живописи и весьма прекрасно писал морские виды и корабли, особенно же лучше всех других художников он изображал корабельные снасти с крайней точностью и правильностью. И потому Петр Великий почитал картины его полезными и украсил по большей части ими Комнату перед своею спальнею в Петербургском летнем дворце. Также и в Петергофе, где Государь завел первую картинную галерею, состоящую из одних нидерландских картин, во дворце супруги своей, называемом Мон-Плезир, Силовы изображения кораблей и морских видов занимали главные места.

В Амстердаме, в публичном картинном аукционе, Петр Великий между множеством любителей картин, садился обыкновенно подле маклера Кселя, живописца исторических и поучительных изображений, родом йз Швейцарии, весьма искусного знатока картин, особенно Нидерландских и их мастеров. Там накупил Государь множество картин любимых своих мастеров, из которых составил помянутую галерею в Петергофе, остальными же приказал украсить свои комнаты. Для сохранения сего знатного собрания самим им купленных картин и для умножения оного принял он в свою службу живописца Кселя, который приехав с Государем в Петербург, написал там несколько прекрасных поучительных картин, как-то: мертвую голову с загашенною, но еще курящеюся свечою, лежащие музыкальные инструменты, и проч., был живописцем Академии Наук и умер в 174З году в глубокой старости[24]

[24] От живописца Кселя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.